

Н. В. Жданович (Минск)

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ЭПИТЕТЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Поэтический текст характеризуется не только наличием неожиданных смысловых сближений и противопоставлений, но и наличием необычных слов.

Почти 20 % индивидуально-авторских эпитетов первой половины XIX века составляют новообразования, однако в произведениях поэтов окказиональные эпитеты представлены неодинаково. Так, в поэтической речи Н. М. Карамзина эпитеты-новообразования отсутствуют, в текстах Ап. Григорьева и В. А. Жуковского они преобладают среди индивидуально-авторских определений. Количество окказиональных эпитетов у поэтов колеблется от 2 (К. Н. Батюшков) до 37 (В. А. Жуковский):

Поэт	Количество редких определений	Количество окказиональных определений	%
Н. М. Карамзин	8	0	0
В. В. Капнист	28	4	≈ 14, 3
В. А. Жуковский	91	37	≈ 40, 7
К. Н. Батюшков	32	2	≈ 6, 3
А. С. Пушкин	160	10	≈ 6, 3
Е. А. Баратынский	82	12	≈ 14, 6
В. Г. Бенедиктов	93	26	≈ 28
М. Ю. Лермонтов	118	10	≈ 8, 5
Ф. Н. Глинка	63	8	≈ 12, 7
Ап. Григорьев	38	26	≈ 68, 4
Ап. Майков	26	9	≈ 34, 6
Всего	739	144	≈ 19, 5

Более других склонны к экспериментам в образовании эпитетов Ап. Григорьев, В. А. Жуковский (прежде всего это обусловлено переводческой деятельностью поэта), Ап. Майков, и практически не экспериментируют в этом направлении Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов.

Окказиональные эпитеты характеризуются необычной формальной структурой, однако дифференцировать их порой бывает затруднительно. Не всегда можно однозначно ответить, является

ли эпитет собственно авторским образованием или же заимствован из других источников – литературных или диалектных. Так, Ф. Е. Корш относит к пушкинским неологизмам определение *приютный* ‘обещающий приют’ [3, т. 3, с. 790]: *Все живо там: холмы, леса, / Янтарь и яхонт винограда, / Долин приютная краса, / И струй и тополей прохлада* (Бахчисарайский фонтан) [1]. Однако такое предположение более чем сомнительно, поскольку этот эпитет в аналогичном значении неоднократно встречается в поэзии современников и непосредственных предшественников Пушкина, в частности, в поэзии В. В. Капниста и К. Н. Батюшкова: *Приютный дом мой под соломой / По мне, – ни низок, ни высок* (Капнист. Обуховка); *А когда в сени приютной / Мы услышим смерти зов...* (Батюшков. Элизий).

Еще больше сомнений вызывает дифференциация сложных эпитетов. Трудно установить, является ли сложное слово авторским новообразованием, или же оно представляет собой обычную кальку с греческого источника, известную в переводных произведениях. Словари XIX века не фиксируют даже всех общеупотребительных сложений, не говоря уже о сложениях, встречающихся в художественной литературе.

Структурные типы словообразовательных моделей, по образцу которых создаются окказиональные эпитеты-сложения, весьма разнообразны. Самым распространенным структурным типом в поэтической речи первой половины XIX века является именной тип, и прежде всего – синтез прилагательных: *длинно-томный* вечер, *отрадно-радужная* дума (Глинка), *воздушно-легкий* идеал (Григорьев).

Между компонентами словосложений чаще всего наблюдаются соединительные отношения: *мирно-прекрасная* страна (Жуковский), *вольно-вдохновенная* беседа (Пушкин), *отрадно-сладкий* сон (Глинка), *спокойно-великий* Рим (Майков). Широко представлены сложения с противительными отношениями: *прискорбно-радостное* желание (Жуковский), *уныло-сладостное* страдание (Глинка), *ласкательно-суровые* слова (Бенедиктов), *ласково-холодная* речь (Григорьев). Значительно меньше сложных определений с детерминированными отношениями между компонентами: *бесстыдно-бледные* лица (Пушкин), *беззубо-молодая* Америка, *болезненно-прозрачный* лик, *неразрывно-брачная* связь (Григорьев).

Данный структурный тип сложений обнаруживает 1) образования, возникшие на основе объединения двух качественных прилагательных: *ложно-черные* сомнения, *нежно-постоянная* дружба, *сладко-вольный* голос (Лермонтов); 2) образования, возникшие на основе объединения относительного и качественного прилагательных: *железно-жилистые* руки (Жуковский), *широко-медные* лбы (Пушкин).

Менее продуктивны сложения «прилагательное + существительное»: *сладкопамятный* завет (Жуковский), *вольнодумное* счастье, *златочешуйчатые* воды (Баратынский), *разногласная* слава (Пушкин), *сладкозвучные* рыдания (Майков); «наречие + прилагательное или причастие»: *сладкошепчущие* речи (Жуковский), *тихоспящая* волна (Пушкин), *адски-черные* очи (Бенедиктов), *мелодически-милые* речи, *преступно-заглохшая* душа (Григорьев); «существительное + существительное»: *златосапфирна* грудь, *лунновидная* белизна (Капнист), *зверонравная* душа (Жуковский), *видозвездный* дворец (Бенедиктов); «существительное + глагол»: *душемутительный* поэт (Баратынский), *молньеметательные* очи (Майков). Только у В. Г. Бенедиктова встречаются определения, которые образованы путем наложения слов: *огнегремячая* туча – огненная + гремячая, *огнекрылатые* кометы – огненные + крылатые, *огнемятежная* кровь – огненная + мятежная.

Как ни парадоксально, но некоторые окказионализмы имеют первоисточники. Определением К. Н. Батюшкова *уныло-бледные* лица мотивирован пушкинский неологизм *бесстыдно-бледные* лица. Вероятно, к определениям В. А. Жуковского *широкошумящее* море, *широко-туманная* зыбь восходят пушкинские окказиональные эпитеты *широкошумные* дубровы, *широко-медные* лбы, а эпитет Ап. Майкова *широкобежный* орел развивается, скорее всего, из определения *широкошумный*. Не случайно некоторые окказионализмы В. А. Жуковского (*широкошумящий*) и А. С. Пушкина (*широкошумный*, *томно-голубой*) были освоены литературной традицией. Например, *широкошумный* встречается не только в полуцитатном употреблении у В. Шкловского, Д. Мережковского («Пушкин бежал в *широкошумные* дубровы»), но и входит в состав необычных сочетаний Вяч. Иванова (*широкошумный* дуб, *широкошумные* голоса), С. Надсона (*широкошумное* море), В. Набокова (*широкошумные*

сосны, *широкошумный* дождь), В. Солоухина (*широкошумная* липа) [2, с. 157].

Таким образом, в поэтической речи первой половины XIX века сложный эпитет не имеет уже непосредственного отношения к церковно-книжной традиции (как в литературе классицизма), а является продуктом словотворчества писателя.

1. Булаховский Л. А. Русский литературный язык I половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев, 1957.

2. Краснянский В. В. К истории пушкинского слова *широкошумный* // Семантика языковых единиц: Доклады VI Междунар. конф. М., 1998. Т. 1. С. 156–158.

3. Словарь языка Пушкина: В 4 т. М.-Л., 1956–1963.